

Дубравка Руда

Чертова дюжина

Книга Первая
Мистические истории

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дубравка Руда

Чертова Дюжина. Книга Первая

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Дубравка Руда

Чертова дюжина. Книга Первая / Дубравка Руда — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Мистика, страшные истории, сказки для взрослых, мистические рассказы, страшилки, мистические историиСодержит нецензурную брань.

Дубравка Руда

Чертова Дюжина. Книга Первая

1 «Деревня не живых или «Топленная»»

Ребята долго ехали, устали. Но больше всех, устал Митяй. Он провел за рулем больше двенадцати часов несменно.

Сначала парень очень злился на ребят, потому что его подменить никто не хотел. А последней каплей терпения, стало то, что друзья, еще и выпили. Даже его лучший друг, Валера, который обещал его менять и порулить «сменкой», набульбенился темного пива и теперь спал на пассажирском сидении рядом, откинул голову и раскрыв рот, похрапывая.

– Ну, уж нет. – Сквозь зубы прорычал Митяй и на всю громкость включил музыку. Из динамиков понеслось «Из колхозной молодежи панковал один лишь Я»!

Но тут, что-то пошло не так. Машина подпрыгнула, как будто наехала колесами на не особо крупное нечто.

Митяй быстро срулил к обочине, а про себя подумал:

– Что это было? Кошка чтоли? Тьфу, блеать!

От неожиданного маневра, Валерка проснулся. Ребята на заднем сидении тоже расшевелились.

– А? Что? Где? – Недоуменно переглянулись они.

– Доброе утро, други! – Зло и громко крикнул Митяй.

– А в чем собственно дело? – Протирая глаза, решил уточнить детали Марк.

Митяй вышел из машины. Обошел ее со всех сторон. Посмотрел на дорогу позади, пару раз матюкнулся.

– Приехали блядь! – Разведя руками и комично присев, как это делали герои фильма Данелии, «Кин-Дза-Дза».

– Кууууу...

– Чего? – Зевая и, похуже, не собираясь верить во всю серьезность положения, которое пытался гримасами на лице изобразить Митяй, Валерка, почесал затылок.

– Вылазим. – Открывая двери пассажирского салона, вскомандовал Митяй.

Из салона пахло несвежим перегаром.

– Ой, бля, все провоняли, черти. – Не переставал злиться и ругаться парень.

– Ооо, так тут свежайший воздух! – Непротрезвевшим голосом прохрипел Марк и толкнул сидящего рядом парня.

– Проха, вылазим.

– Че? Приехали? – Оглядываясь, вопрошал тот и натирал кулаками запухшие веки.

– Приехали! Тормоз, сука. – Сплюнул Митяй сквозь зубы и закурил.

– Колесо. – Кивком обратился парень к Валерке.

– И вправду. – Согласился Валерка, сидя на корточках и светя фонариком от айфона, оценивал ситуацию.

– Трезвейте уже, запаски нету и вообще... – Но не договорил фразу. Прислушался. Что-то послышалось. Странный писк со стороны дороги, которая оставалась позади.

– Че за херня? – Оживился Проха. Он был пьянее всех, но этот неожиданный звук, заставил его приотрезвиться.

Марк, слегка покачивающейся походкой, побрел в сторону дороги. За ним, с корточек, поднялся и Валерка. Пару раз качнулся, чуть не потерял равновесие.

– В глазах потемнело. – Констатировал он.

Дорога была пуста. Темно. Редкие дорожные знаки отражались и давали понять, что все реально.

- А где мы вообще? – Поинтересовался Проха у Митяя.
- Шаз. – Тот достал телефон, но связи не было.
- Хз – Пожал плечами Митяй, пялясь в пустой экран, который показывал только время.
- Нету тут «гугла мапа».
- Ну что там?
- Да ничего. Пусто все.

Но писк раздался снова. Только откуда, ребята не могли понять. Кустов не было по обочинам, леса не было. Только рабсовое поле.

Звук шел именно со стороны дороги и казался очень близким. На зайца или лисицу, тоже не особо похоже.

- Ребят, а у кого телефон пашет? – Обратился к друзьям Митяй.

Как назло, оказалось, что у всех трех парней, телефоны полностью разряжены. Валерка, свою последнюю черточку деления батареи, истратил на подсветку фонарика. А у Митяя, вот-вот и разрядится.

– Мда, господа алкоголики. Приехали. – Безнадежно протянул Митяй. – Будем ждать чуда среди степей Украины. Далеко все равно не уедем.

Митяй ловко метнул пальцами сигаретный окурочок и осталбенел. На обочине, возле дорожного знака, стояла маленькая темная фигура, едва различимая.

Митяй напряг зрение, обратил внимание на знак, поднял голову и прочитал, название населенного пункта «Нежиль».

- Твою ж дивизию. – Воскликнул Митяй.

Парни уставились в ту же сторону. Он это не один видел.

Несмотря на ночное время и практически отсутствие освещения, глаза привыкли к темноте. И все четверо ребят, рассмотрели и название и нечто темное, которое шагнуло вперед, им навстречу и человеческим голосом сказала:

- Шось сталося, хлопци? Допомога треба?

Голос старческий, а в фигуре, ребята рассмотрели сухенького мужичка, пенсионного возраста.

- Отец, фу напугал! – Вздохнул Митяй.

Ребята и вправду, чуть штаны не обмочили.

- Да вот. – Показал рукой на машину парень, внезапно знакомому.

- Колесо? Чи шо? – Переспросил старичок.

- Чи шо и колесо. – В тон ему ответил Митяй.

- А заминити нема чим? Так? – Поинтересовался и в тоже время угадал старичок.

- Так, так. – Закивали ребята.

- За это время, что мы тут, ни одной машины не проехало. – Пожаловался Валерка.

- И не проедет. – Резко сказал старик и зашелся странным булькающим кашлем.

Парни переглянулись.

– Я вам так скажу, молодежь. Пошли в деревню нашу, переночуете, а з ранку пораненько, мы шо небудь придумаем. – Настойчиво сказал старичок.

- А машину что? Тут бросим? – Выпучил глаза Митяй.

- А шо ей делается? – Удивился старик. – Нихто не троне.

- Так уж и никто? – Недоверчиво переспросил парень.

- Як шо сказав, дед Стецко, то нихто! – Немного раздражительно проскрипел старик. –

Пишлы кажу!

Старичок обернулся, а парням ничего не оставалось, как последовать за дедом.

Митяй, закрыв машину, поспешил догонять ребят.

- Смотри, дорога? – Толкнул в плечо Митяя, удивленный Валерка.

- Да, действительно, перекресток. – Согласился Митяй.

Как же он этого не заметил? Наверное, очень уставший.

– Мрачный перекресток. – Неслышно сам себе сказал Митяй.

– Черный перекресток. – Также неслышно и сам себе, сказал Валерка.

Через все поле, засеянное рапсом, пролегла неплохо асфальтированная дорога, практически новая. Старик, бодро и по-молодецки уверенно вышагивал, а за ним стараясь не отставать, шли парни.

Вдалеке, показались первые домики.

– А что за деревня такая, отец? – Обратившись к старику, поинтересовался Митяй.

– Так это... ж... «Нежиль»! – Не поворачиваясь, ответил старик.

Парни снова переглянулись, ну и название. Да, правда, на знаке тоже оно было.

– Первый раз про такую слышу. – Сказал Валерка.

– Так мы первый раз этой дорогой и едем. – Злобно фыркнул Митяй.

Старик шел быстро, настолько, что парни старались в темноте поспевать за ним, чтобы не отставать. Но, несмотря на это, им приходилось, чуть ли не бежать. Бодрый старичок, что ни говори.

Темно вокруг. Как старик только различает дорогу да видит? Ориентируется с такой легкостью, а с другой стороны, что ему?

– Это ж мои родные края! – Вдруг сказал старичок, как будто понял неозвученный вопрос ребят.

– Эгегей! Эгей! Гостей ведууу! – Неожиданно выкрикнул старик и в каждой хате стали загораться тусклые огоньки.

А где-то вдалеке отозвалось эхо:

– На удачууу иль бедууу!!!

Парни вздрогнули.

– Та заткнися ты! – Прикрикнул старичок.

– Что это он? Время то позднее? – Полушопотом спросил Митяй у Валерки.

– Да вообще, четр, странный. – Ответил тот и пожал плечами.

– Кино и немцы. – Вздохнул Валерка.

– Не, не немцев тут давно нема, выгнали ж! – Отозвался старичок.

Войдя на территорию деревни, у парней пробежал холодок по коже. Ни одного фонарного столба, нет проводов, газовых труб и водопроводных тоже нет. Зато на деревенском пяточке, колодец «журавль», качался и поскрипывал. Вообще, как то неприятно и непонятно.

– Та нема у нас элекрики тут никакой. – Опять опередил вопрос ребят, старик. – Жителей немного у нас, а шоб проводить всякое, деньги надо. А у нас токо старики живут, нам оно и так привычно. Спать раньше ложимся и раньше встаем.

Старик говорил логичные вещи, но как – то не убедительно они звучали для ребят. И особенно это его «эгегей» и «ведууу», как «здрасьте», среди ночи. Что к чему?

– То Я бабку свою будю, шоб подготовилася гостей прынять. – Снова неожиданно ответил старик.

Митяю даже пришло в голову, что нибудь эдакое, спецом подумать, да не вслух, а если не показалось, что старик угадывает мысли, значит, ответит.

Старик громко чихнул, Митяй аж подпрыгнул от неожиданности.

– Будь здоров отец!

– Ага, ага. – Проскрипел тот, смачно потирая нос.

Асфальт кончился, и парни шли по грунтовой дороге деревни. Почему-то, к чувству сомнения, что им не надо было идти за этим стариком, добавилось еще и легкое чувство тревоги. Ребята испытывали это одновременно, но обсуждать свои ощущения друг с другом, не торопились.

Под ногами, чувствовалась какая – то тянучая жижа, грязь влажная, хотя дождя не было.

– Та – то воды грунтовые наружу иногда выходить, вот и хлопает! – Опять ответил старик, на не заданный вслух вопрос.

По обе стороны дороги, стояли старые деревянные хаты. Такие, только в исторических деревнях увидеть можно. Но и это не так удивляло, как редкие старческие лица, появляющиеся в грязных окнах.

Подшли ко двору. Еще один колодец «журавль» одиноко поскрипывал и качался сам по себе.

– Как будто черти на нем катаются? – Еле слышно шепнул себе под нос Митяй.

Наконец-то, добрались к хате старика, на порог выползла очень старая женщина с распущенными, длинными седыми волосами. Зрелище не очень приятное, жутковатое, дополняла свеча в руках старухи.

– Аааа сыночки! – Протянула старуха. – Входите роденькие.

Ребята немного помялись с ноги на ногу, но все же зашли в хату, а деваться то некуда?

Сразу взгляд упал на центр жилища. Там стоял накрытый стол, как будто старики готовились к встрече гостей.

– За стол сидайте, сыночки. – Пригласила старуха.

– Спасибо мать.– Сказал Митяй.

– Вот чем боженька послал, тем и пригостим. С дороги же? Стомленные? Вечеряйте. – Пристально рассматривая лица ребят, скрипучим голосом говорила хозяйка.

– Та есть такое. – Потирая руки, отозвался Проха, и первый плюхнулся на деревянный стул. За ним тоже самое, проделал и Марк. Только Митяй и Валерка, многозначительно переглянулись и хозяин с хозяйкой это заметили, но ничего не сказали.

Проха с Марком уплетали горячую еду за обе щеки. Угощение было свежеприготовленным, над блюдами шел пар. Вареники с капустой, отварная картошка, притрушенная сверху молодым укропом, подкопченное сало, дируны со сметаной, соленья и малосольные огурчики. Неказисто, но мило.

На столе стояла трехлитровая бутылка с мутной жидкостью. Самогон, догадались ребята, да только вот, хозяева не спешили наливать гостям, не предлагали и как будто вообще не замечали ее на столе. Бутылка, была как антуражное украшение.

Сами же хозяева ничего не ели и не пили. Митяю и Валерке, кусок в горло не лез, а при виде бутылки с самогоном, так вообще, рвотные позывы срабатывали, которые приходилось подавлять прилагая немалые усилия.

Они не могли объяснить сами себе, почему так? Но на тонком уровне, что-то понимали. Интуицию не обманешь. Да и самые трезвые они были, а вот Марк и Проха, похоже, еще полностью с «гулянки» не протрезвели, не оправились до конца.

Заметив на себе неодобряющий взгляд старухи, Митяй, взял один огурчик, демонстративно откусил и попробовал прожевать. Валерка поступил также, глядя на друга, но в отличии от Митяя, долго не решался глотнуть прожеванное.

– Вот переночуете, а завтра с першими пивнями, пойдэтэ. – Сказал старик и положил руки на колени.

При свечном освещении, лица стариков, выглядели, почему-то весьма зловеще. Вот вроде обычные старые люди, да что-то с ними не так. У старика одежда непонятная. Штаны голифе с лампасами, высокие кожаные сапоги, гимнастерка. Старуха в длинной свободной рубахе, расшитой цветами на груди и запястьях. Рукава рубахи широкие такие, неудобные. А волосы... Ладно, что седые и неубранные, понятно, что дело позднее, спать, наверное, собирались, но длиннющие до пола почти. Ну как из фильма ужасов, честное слово.

Проха с Марком опустошили почти все тарелки. Причмокивали и, нахваливая стряпню хозяйки, облизывая пальцы. Митяю с Валеркой, даже неудобно стало за своих друзей, они испытывали, то, что называют «испанский стыд».

– Поцики, как с голодного края, саранча монгольская налетела. – Закрыв ладонью глаза, чтоб не наблюдать этот стыд, прошептал Валерка. А Митяй, от отчаяния, хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ну, шо хлопцы? Тепер и лягать спать можно. – Улыбаясь во весь свой беззубый рот, сказал старик.

– Тильки места у нас небагато, комусь придется у сараю, а комусь у сеньях. – Добавила старуха.

– Ой, Я на свежем воздухе не прочь. – Потягиваясь и зевая, промычал Проха. – В сарай так в сарай. Да, Марк.

– Я б конечно, предпочел с барышней на сене валяться, а не с тобой. – Смеясь и потирая лицо, отвечал Марк. – Да думаю, наши трезвенники в сеньях спать будут.

И Марк устало кивнул на Митяя с Валеркой. Пацанов разморило.

– А нам то что? – Присоединился к разговору Валерка. – Барышень тут все равно нет.

– Придурки, ой придурки. – Обхватив лицо руками, шептал Митяй. – Вы это, хозяйева, не слушайте их. В семье не без дурачков, так вот они у нас дурачки местные.

Парень пытался шутить но, судя по реакции всех присутствующих, шутка никому «не зашла».

Вообщем, на том и порешили. Проха с Марком, под мышку с матрацами отправились в сарай на сено, а Валерка с Митяем взбивали подушки на гусинном пуху в сеньях.

– Вы хлопцы, токо свэчку задуите! – Прикрикнула старуха, ребятам в сарае.

– Ага – ага!

– Надобранич!

Митяй долго боролся со сном, прислушиваясь к каждому шороху в доме и звукам снаружи. На удивление, со двора, кроме богатырского храпа ребят из сарая, ничего не было слышно подозрительного. Старики, погремев посудой, которую прибирали со стола, тоже вроде утихли.

Валерка, первое время держался, а потом все же уснул и тоже захрапел.

– Суки. – Выругался Митяй и стал потихоньку погружаться в Морфеево Царство.

В полудреме, парню начал видеться сон. Будто бы сильно он пить захотел, а где воды взять не знал, но вспомнил про колодец во дворе. Вот к нему и отправился.

Одинокий колодец, освещала полная луна. Ветра не было, но «журавль» двигался и поскрипывал. На цепи, сколоченное деревянное ведро, обвитое ржавыми обручами.

Стал Митяй ведро вниз опускать, а из колодца:

– Вытащи меня Митяяя!!!

Этаж голос Прохи? Точно, его звал Проха, да только как он в колодец – то угодил?

– Митяй! Вытащиинии!!!

Митяй открыл глаза.

– Этить колотить, приснилось. – Прошетал он и прислушался. Рядом, как ни в чем не бывало сопел Валерка, сном праведника спал.

– А пить и вправду хочется, да только хер Я, куда – то пойду. – Решил парень и перевел взгляд на Валерку. – Ну, разве что с ним.

Глаза закрылись, а сон продолжился. Только уже у Валерки.

– Зря мы сюда пришли. – Услышал Валерка голос Марка и тут же открыл глаза.

– Митяй, Мить. – Позвал он друга. – Спишь?

– Пытюсь. – Прошептал парень.

– Стремно чета, как – то. – Пожаловался Валерка.

– Та мне тоже как-то не танцуется. – Съязвил Митяй.

– А ты заметил, что тут собак нет? – Задал внезапный вопрос Валерка.

–И че?

– А то! – Не унимался парень, стараясь говорить максимально тихо. – Сам посуди, деревня глухая, электрики нет и собак нет. Не порядок! В каждой деревне собака в будке, это норма! В любую деревню заходишь, первым делом что слышишь?

– Что?

– Дурень. Лай собак, первым делом слышишь. Мимо двора деревенского просто так не пройдешь, чтоб тебя не облаяли. А тут нет собак! – Валерка даже приподнялся на локте, а Митяй, хоть и было темно, отчетливо видел выпученные глаза друга, что отсвечивали как дорожные знаки.

– Да действительно. – Согласился Митяй.

– Вот. – Как бы подытоживая свои слова, произнес Валерка.

– А к чему ты клонишь? – Митяй понимал, что друг пытается объяснить ему то, что тот и сам хорошо понимал. Пахло чертовщиной. Но самому, первым сказать об этом, не решался, оттого и задавал дурацкие наводящие вопросы. Ну чтоб наверняка убедиться в правильности своих суждений и в том, что они с другой на одной волне дрейфуют.

– Да как же ты не понимаешь? А ведь еще с бурсы, самый сообразительный среди нас был.

– А ты не петляй, а как есть говори. – Немного раздраженно прошептал Митяй. – А-то как баба, ходишь вокруг да около, а что замуж хочет, не признается.

– Пошли во двор! – Вдруг предложил Валерка.

– Хера с два, сам иди. – Повернувшись на бок, сказал Митяй.

– Сцишь? – Злобно прошипел Валерка.

И он не ошибся. Митяю было ссыкотно. А тут как назло он и вправду по нужде малой, испытал желание и уже довольно сильное.

– Бляяя, пошли. – Недовольно пробурчал Митяй, поднимаясь с пола.

Валерка не думал, что друг так быстро согласится, и даже немного заикаясь, от неожиданности сказал:

– И-и-идем.

Дверь, была закрыта на кочергу, которая нехитро выполняла функцию засова. Валерка пошевелил ее. Та, предательски издала скрип, парни вздрогнули и выронили ее из рук. Кочерга, ударяясь об мазаный пол, издала глухой звук.

– Хрен косорукий, перебудим всех. – Шепотом заругался Митяй на Валерку.

Они затихли и прислушались. Никто не пошевелился. Вот и хорошо, значит, никто не проснулся.

Ребята вышли во двор и вдохнули прохладного ночного воздуха полной грудью. Круглая луна, прекрасно освещала собою всю округу двора.

– Ну! Видишь? – Сказал Валерка.

– Что?

– Ну не тупи уже, смотри сам! – И Валерка указал рукой в сторону пустой будки, возле которой лежала увесистая цепь и пустой, почти сгнивший собачий ошейник. – Что Я тебе говорил?

– Убежал пес. – Пожал плечами Митяй и не увидел в этом ничего особенного, такое бывает. Может там на соседней улице, сука течная?

– Если был, конечно, этот самый пес, тут. – Почесал затылок Валерка и неожиданно добавил. – Сиги у тебя с собой? Курить охота.

– Не, не взял. – Замотал с досадою головой Митяй. – В машине осталвил.

– Мудило склерозное. – Выругался парень. – Ладно, а где наши алканавты спят? Пошли, проведем, синяков и братьев по разуму, по совместительству?

– Щаз пойдем. Пить вот охота. – Ответил Митяй и кивнул в сторону колодца.

– Слышишь? – Вдруг поднял вверх палец Валерка.

Ребята прислушались. И вправду, какой-то жалобный стон доносился со стороны колодца.

Они подошли к «журавлю». Не ошиблись, из закрытого колодца, доносились жалобные стоны их друга Прохи.

– Пацаныыыы, помогитееее!

Отодвинув деревянную крышку, ребята нагнулись через бортик, чтобы рассмотреть, где же там их друг.

– Сюдаааа, Я туууут, спаситеее пацаныыы!

– Ты как туда попал? – Крикнул в колодец Валерка.

Но Проха как будто не слышал его вопроса и все повторял те же самые слова:

– Пацаныыы, помогитеее... сюдааа... сюдааа... ко мне... водааа, много водыыы...

– Вот же алкоголик херов! Погодь. Ща достанем. – Пытался успокоить Проху, Валерка и стал оглядываться по сторонам, раздумывая, что бы ему туда бросить, чтоб потом достать вместе с ним.

– Как только туда провалился, мудило ебаное? – Негодовал парень.

Ведро на хлипкой ржавой цепи, было не вариант. Не выдержит цепь, здорового центнерового Проху, сто процентов не выдержит.

– Сюдааа... ко мнеее... пацаныыы... водаааа... ее многооо – Продолжал выть из колодца Проха.

– Не то... что-то не то! – Отодвинувшись от колодца, произнес Митяй. Но Валерка лишь гневно пристыдил друга:

– То не то, думай, как спасти будем товарища!? Мыслитель херов.

– Нууу где же выыы... пацаныыы? Идитее ко мнеее... водааа вокруг водааа... – Не переставал скулить Проха.

– Тут мы, тут. – Отозвался Валерка, и хотел было направиться в сторону сарая, как Митяй, специально и как будто, между прочим, кинул в колодец ведро.

– Ты что, дыбил, сделал? – Опешил Валерка.

В колодец, бьась о стены, полетело деревянное ведро. Послышался плеск воды и «журавль» низко нагнулся сопровождая движение противным скрипом. Тут же зов друга прекратился.

Валерка кинулся к бортику и посмотрел вниз. Никакого друга там не было и в помине, только одиноко накренившееся ведро, в котором набралась ровно половина.

– Где он? Был же? – Не унимался парень и стал кричать в колодец. – Прохааа! Живой? Ответь нам!!!

– Заткнись. – Ледяным тоном приказал Митяй и стукнул друга кулаком в плечо. – А теперь смотри на крышу. Только ти-хо, очень тихо.

Валерка поднял глаза вверх, туда куда самотрел и Митяй. На «коньке» крыши сидела старуха, хозяйка, которая радушно встречала, потчевала ужином да спать укладывала как сыночков родных. Но сейчас, сидя на корточках, она была похожа на хищную птицу, которая скрючилась и крепко держалась руками, чтобы не свалился. Ее длиннющие седые волосы, развивались вокруг головы, от ветра, словно зловещие ленты, а рукава простойной рубахи, напоминали крылья.

Глаза старухи были выпучены и полны ужаса.

– Она нас видит? – Очень тихо спросил ошарашенный Валерка.

– Хз. Скорее нет. Она куда-то вдаль смотрит. И, похоже, что-то видит там и мы тут не при чем.

И действительно она самотрел вдаль, будто все крыши домов взором проверяла, а до того, что под носом и во дворе твориться, ей не было дела. Откуда-то, из далека, слышалось жур-

чание воды, как будто, кто-то открыл шлюз на водохранилище. И этот звук становился все сильнее и сильнее.

– Бегом в сарай! Марк! – Толкнул Митяя Валерка.

– Какого хера? – Сонным скрипучим голосом, спросил Митяй.

Валерка открыл глаза от того, что дернулся во сне и толкнул друга.

– Ебать колотить, сон. – Накрыв ладонями лицо, прошептал Валерка.

Больше парни уснуть не смогли. Просто лежали с закрытыми глазами и прислушивались к каждому шороху. На всякий случай, каждый из них, не обговаривая это с другом, а сговорившись на уровне какой-то телепатии, решили не выходить во двор и даже по нужде, потерпеть до рассвета, от греха подальше, а то, кто ж его знает.

Начало светать. В хате засуетились хозяева. Парни тоже.

– А вот и сыночки попрокидались? Выспались хоть, дети? – Послышался скрипучий голосок старухи.

– Да – да мать, спасибо. – Ответили хором парни.

– Ну – то, друзей своих зовите, поспидаете, да и пойдете своей дорогой. – Все тем же скрипучим голосом, произнесла хозяйка.

Валерка и Митяй, наперегонки выскочили во двор, первым делом по нужде, конечно, а потом уж и друзей проверить.

Проха и Марк, как ни в чем не бывало, продолжали спат. Их могучий храп, разносился по всей округе двора. Валерка с Митяем облегченно вздохнули.

– Слышишь? – Вдруг поднял вверх палец Валерка. – Пташки ранние не поют и не одного петуха в деревне, утром не пропело!

– Ну и ч...ч... что... – Хотел сказать Митяй, и ребята синхронно посмотрели на пустую будку, возле которой лежала цепь и разодранный собачий ошейник.

– Та ну нахуй! – Сплюнул Валерка и ломанулся в сарай.

– Вставайте алкаши ипатые! – Орал парень на Проху и Марка.

– А в чем собственно дело? – Потирая кулаками заспанные глаза, мямлил в своей привычной манере, парень.

Валерка за шиворот пытался поднять Марка. Тот тоже стал возмущаться, на проявление грубости, со стороны буйного товарища.

В хате уже был накрыт стол. А хозяйка со вчерашнего дня, не поменяла рубахи и не привела в порядок, свою седую капну волос. Наряд деда тоже не изменился, только при тусклом хоть и дневном свете, ребята смогли рассмотреть множество медалей и орденов с планками, на гимнастерке старика.

На завтрак, хозяйка приготовила вареники с маком и пышки с медом.

– У нас в ПГТ, откуда Я родом – Начал Митяй, показывая на вареники, – Такую еду, обычно на поминки, готовят.

– И у нас. – Устремив взор на пышки, обильно политые медом сверху, тихо произнес Валерка, взяв в руки стакан с вишневым киселем.

Марк и Проха, по-прежнему, как ни в чем не было, с удовольствием поглощали хозяйское угощение.

– Я хлопцы з Вами цей раз йти не буду. – Начищая козырек на фуражке, деловито сказал старик.

– Да найдем дорогу, отец, не переживай, светло уже. – Повел плечом Митяй.

Ему было даже как-то неловко, что из – за глупого ночного кошмара, он стал всякую чертовщину искать в этих людях и в этой деревне. Вот, что с людьми усталость делает, а все из-за того, что без отдыха. Хоть они и ехали вроде бы с отдыха, но как говорят, после такого отдыха, еще неделя отдыха должна быть.

На Валерку, накатили такие же чувства. Он потупил взгляд, поблагодарил стариков. Ребята развернулись и пошли.

– Вы хлопцы, тока как выйдете на дорогу, не обертайтесь, не треба, бо лихо буде! – Крикнул в след им старик. – Поняли? Не обертайтесь, кажууу!!! Бо буде на бедууу!

– Та твож мать. Опять это херня неведомая, ну ты посмотри. – Сплюнул Митяй. Валерка лишь боковым зрением покосился на друга и быстрее зашагал.

– Хорошая деревня. – Довольно произнес Проха.

– Ага, и так хорошо спалось. – Подхватил Марк.

– Так бы тут и остался. – Задумчиво добавил Проха и поднял руки к небу.

– Дыбил. – Снова выругался Митяй. – Ой, дыбил!

– А что он там про «не оборачиваться» говорил? – Переспросил Марк, и хотел было повернуться, но увесистый подзатыльник Валерки, не дал ему этого сделать.

– Ты че? – Возмутился Марк.

– Ничо. Потом, спасибо скажешь. Только б выбраться отсюда поскорее.

– А вот и тачка! – Радостно закричал Митяй. – Девочка моя, целая и невидимая, вроде.

Почему-то, дорога назад, оказалась гораздо короче, чем вчера, когда они шли в деревню.

Все в целости и сохранности. По дороге проезжали машины. Удалось найти помощь.

Все благополучно подсуетили.

– Это вы всю ночь тут торчали? И костров непожгли? – Удивленно спросил пожилой мужчина, доставивший «запаску».

– Та нас местные приютили. – Махнул рукой в сторону Митяй.

Мужчина усмехнулся:

– Какие местные? Полевые зайцы чтоли? Так тут даже зайцев нет. Они звери умные, рабс не жрут.

– Та не, деревенские. – Уточнил Валерка.

Мужчина перестал улыбаться и внимательно посмотрел на каждого из ребят, так, как обычно смотрят в глаза менты, чтобы проверить «есть че в кровушке али где и если найду».

– Да бог с вами, ребята. – Серьезным тоном, заговорил мужчина. – Нет тут никаких деревенских.

– Как нет? – Удивился Валерка.

– После войны, всю деревню, всех жителей отсюда вывезли, принудительно эвакуировали, а потом затопили местность, водохранилище делали. Вот прям там, за полем в двух километрах, если напрямик, не сворачивая, будет оно.

– Кто оно? – Сглатывая слюну и щипая себя за ухо, переспросил Митяй.

– Водоохранилище. – Спокойно повторил мужчина. – Правда, поговаривают, что не все люди сдешние, хотели хаты свои добровольно покидать. Прятались люди, по сараям. Так слухок ходил, что прям с теми живыми, шо попрятались, хаты то и топили. Утопленники не по воле, а по принуждению, а там кто ж уже разберет. Но всплывали еще долго.

Мужчина развел руками и добавил:

– «Советы», после войны, страну так поднимали, а кому дело до людей? Ай. Как могли Державу отстраивали. Время такое было. Что теперь уж говорить?

Митяй и Валерка переглянулись. Они хорошо понимали слова мужчины и в голове их уже сложились все пазлы картины прошлой ночи.

Парни перевели взгляд на дорожный знак, на котором вчера четкими буквами, читали название «Нежиль». Но вместо названия, было только обозначение главной дороги и ничего более.

– А как та деревня – то, хоть называлась? – Как бы, между прочим, поинтересовался Валерка.

– Не-не... не припомню уж, толи Нежная, толи Нижняя... – Почесывая затылок, пытался вспомнить мужчина. – Дело давнее. Говорят еще, что вся живность, в той деревне, как будто заранее беду чувствовала и собаки с цепей рвались еще задолго до того как топить начали. Вообще, вся живность, что удрать смогла, удрала. Тех, кто не спрятался, принудительно вывезли с кой какими пожитками имущества, а те, кто спрятались, так под воду и ушли. Вот такая история, хлопцы.

– Мда уж. – Потирая нервно руки, выдавил из себя Митяй.

Проха и Марк не слышали рассказа, они достали из портативного холодильничка, что лежал в багажнике, баночное пиво и всю похмелялись.

– Валер, порулишь? – Устало, посмотрел на друга Митяй тот лишь жмуркой, дал понять, что согласен.

Всю дорогу Валерка и Митяй молчали. Проха и Марк вырубались через пять минут, как машина тронулась, и спали до самого пункта назначения.

Через пару лет, Прохе довелось побывать еще раз в этих краях, в последний раз на его беду. С компанией других ребят, без Митяя и Валерки, он отдыхал на этом водохранилище, был сильно пьяный и утонул.

...

Где бы Вы ни были, и если Вам сильно понравилась местность, никогда не произносите вслух слова «Тут бы и остался!», а то кто ж знает, вдруг Вас услышат? А Вас всегда слышат, поэтому, не бросайте слов на ветер.

2 «Свекруня»

Аленку, мать Петра очень не хотела в невестки. Всячески противилась и отговаривала сына. Доводы разные приводила, что и семья у нее не знатная, и не красивая она и «не ко двору кобыла». Одним словом, неугодная.

Аленка была очень даже хороша собой. И семья хоть не зажиточная, но работающие люди и не бедствовали. Да только для матери Петра, это доводом весомым не являлось. Та уже присмотрела достойную невестку, дочку Головы сельского.

– Ты Петруша, слушай и делай, так как мать говорит! – Оттопырив пухлую нижнюю губу, ворчала мать Петра, Алевтина Лаврентьевна.

– Мамо, Я ж люблю ее. – Пытался достучаться до сознания и здравого рассудка матери, Петр.

– Вот чем тебе Марусенька не невеста? А? И благодаря ее отцу, глядишь и в люди выбьешься. Или всю жизнь шофером будешь работать? Баранку вертеть?

– Мамо, Я ж жить без нее не могу! Без Алены! Понимаешь? – Тихо говорил Петр, сидя за столом и обхватив голову руками.

– Что за новость? – Всплеснула руками Алевтина. – Дурницы не мели мне. Жить он не может. Когда твой отец с войны не вернулся, Я тебя одна, сама поднимала, замуж так и не вышла. Знаешь, как тяжело было? Знаешь? И бач, ничо ж, смогла?! Так от, Я не позволю, чтоб мой сын проклятую нужду знал.

– Мамо, Я знаю, говорили уже. – Пытался остановить словесный поток матери, парень.

– Знает он? – Отвернулась к окну Алевтина. – Да что ты о жизни знаешь? Любовь у него. А жизнь она другая, не на одной любви держиться, понимаешь?

– А на чем же еще? – Очень осторожно попытался вставить свое слово Петр.

Ничего не ответила Алевтина сыну.

Маруся, дочь сельского Головы, была девочка симпотичная, хорошая по-своему, не глупая. Многие к ней сватались, но никто ей не нравился, кроме Петра. Алевтина это знала и была страсть как рада, такому повороту событий. Она уже видела себя ее свекровью и в мечтах строила планы, как поедут молодые в город, да пристроят по бумагам от головы Петеньку в

лучший институт на учебу. Будет Петя, большим и важным человеком, может даже начальником какимнибудь станет.

А Петр работал водителем, этого самого Головы. Все ребята считали, что ему очень крупно повезло и что тут без вмешательства Маруськи не обошлось, мол, это она отцу, «слово про Петра, замолвила».

К осени, выяснилось, что Аленка забеременела от Петра и тут уж деваться некуда. Как Алевтине Лаврентьевне не хотелось, а пришлось сыграть свадьбу.

На торжестве, чернее грозовой тучи, лицо свекровки было. То и дело злобно зыркала на Аленку, а если бы могла из глаз молнии извергать, то так бы ту и прибила.

Родители невесты заметили, что мать Петра не по-доброму настроена к их дочери да ничего не сказали. А что тут скажешь? Им – то может и не хотелось этой свадьбы, с одной стороны, а с другой, Петр парень хороший, а тем более и ребеночек будет. Назад то часики не отматаешь?

Маруська тоже грустная сидела за столом и на молодых старалась не смотреть. Одни Петька с Аленкой ничего не подозревали, им казалось, что началась новая счастливая семейная жизнь и думали о том, что у них скоро родиться ребенок. Беременность Аленки то, только на втором месяце выявилась, точнее, подтвердила сама девушка. До этого, молчали ребята, не хотели говорить.

Первое время, молодые, решили жить с Алевтиной, да и та, не противилась. Говорила, что ей руки дополнительные в помощь нужны. Месяц, прожили сносно, а вот дальше, началось.

Петр не узнавал свою жену. Из некогда веселой красавицы и хахатушки, превратилась она в молчаливую, тихую. А длинные медные косы, что были с кулаки толщиной, редели на глазах и уже походили на мышинные хвостики. Конечно, все можно было списать на беременность и нехватку витаминов, с современной точки зрения, да вот и нет. Все продукты свои, мясо и молоко, овощи и фрукты по сезону, свежий воздух. Тем более, что сельские жители, всегда здоровее и выносливее городских.

Петр и фельшера привозил местного, тот никаких отклонений не заметил и ничего толкового не посоветовал. Плечами пожал да уехал.

Решил Петр, жену свою молодую в город свозить, к докторам хорошим, все ж не чита фельдшеру да мать как разоралась, не стесняясь, Аленки:

– Ты что? Совсем збрэндил? Какой город? Это ж у Потапа Евгениевича отпрашиваться нужно с работы и машину просить!

– Мать, так Я уже договорился. Машину без проблем Евгенич дает и отпускает. Даже адрес больницы хорошей дал! Вот! – И Петр протянул листочек с адрессом.

Алевтина хотела было выхватить листик и разорвать в клочья, руку занесла да остановилась.

– Ну, вези. – Сквозь зубы процедила мать и с ненавистью взглянула на опешевшую Аленку. Она впервые увидела такой Алевтину. К горлу подкотил комок, а на глазах выступили слезы. И Аленка пошкандыбала в комнату, держась за поясницу одной рукой, а другой за живот. Прямо в эту минуту, ей захотелось бежать домой, к родителям через все село, да только стыдно было и что она им скажет? Она уже замужняя женщина и скоро мать, своя семья, свои дела. Стыдно родителям жаловаться.

Обхватив подушку руками и плотно прижав ее ко рту, чтобы звук ее рыданий не был слышен свекровке, девушка плакала.

К вечеру, поднялась у Аленки температура. Трясло, лихорадило, казалось вот-вот и богу душу отдаст. Петр не на шутку испугался, кинулся мать будить. А мать и не спала, на пороге сидела и семечки щелкала.

– Мамо! Там Аленке совсем плохо! – Быстро заговорил Петр.

Та на сына, как ни в чем не бывало, посмотрела и спокойно сказала:

– Ничо страшного. Попустит, а если нет, ну чтож, значь судьба такая. На Маруське женишься, молодой еще. – И продолжила семечки лузгать.

– Мама!!! – Опешил Петр. – Да как Вы... Ай... – Парень махнул рукой и побежал в комнату к жене. Взял ее на руки и пошел из хаты.

– И куда? Куда несешь то ношу эту? Да на ночь глядя? – Слегка удивленно, но в тоже время, ликуя, видя беспомощность Аленки, прошипела Алевтина.

Петр ничего не сказал, молча, нес. У друга его, мать, поговаривали, знахаркой была, помогала людям, травами лечила, может и тут сможет, что нибудь сделать?

– Микола! Микола, мати буди! – Кричал Петр, стоя у калитки с полуживой Аленкой на руках.

Друг, без лишних слов, открыл дверь выбежал и помог затащить в дом Аленку.

– Мамоооо! Рятуй! Тут Петр... Аленку принес, плохо ей, совсем!!! – Закричал Микола на всю хату.

– Ой лышенько, бежу, бежу дети!

– Рятуйте, Станислава Богдановна! – Стоя на коленях, взмолил Петр пожилую женщину. Та стоя в одной сорочке, оглядела внимательно Аленку, вздохнула и сказала:

– Жене твоей, Петя, Я помогу, а вот дитятя не спасу. Поздно, кровотечение. Уходит... Ушло дите. Ты уж выбачай.

Дала она порошков каких-то Аленке. Потом, приказала хлопцам убраться из хаты и спать в сарае, и чтоб пока сама не позовет, в хату никто не входил.

Отварами напоила ту, компрессами обложила, пошептала чего-то, свечами поводила над ней, яйцами покатала. Та вроде получше стала, но спала, в сознание не приходила.

– Ой, Аленушка, дочка. Что ж это такое с тобою? – Причитала Станислава, пододвигая стул поближе к кровати, на которой лежала Аленка.

– Я – то понимаю, кто да что, да только... ой, жалко – то как, а ведь сыночек это был. И уж... не маленький он был...ой... – Говорила знахарка, выжимая тряпку для компресса.

– Собачи очи дыму не бояться, а ей хоть и сцы в глаза, а скажет божа роса. Грех, то какой, грех!

Так всю ночь и просидела Станислава у Аленкиной кровати, меняя компрессы, отпаивая травами, шепча заговоры, водя над ней свечками да причитая по – матерински, жалея.

Утром, Аленка открыла глаза.

– Тетя Станислава... – Слабеньким голосочком прошептала девушка. Знахарка слегка задремала но, услышав голос, тут же открыла глаза.

– Аааа, Аленушка, родненькая, проснулась, деточка. – Улыбнулась женщина, – Вот и славно. Вот и хорошо. Я пойду Петра позву.

– А что слу... – Хотела спросить Аленка, да только Станислава показала ей жестом, что молчи, силы береги.

– Петруша! – Позвала знахарка парня.

– Как она? – С надеждой в глазах спросил Петр.

– Та все хорошо будет. Только ты ей ниче пока не говори и вообще, пусть она у меня несколько дней побудет, а как окрепнет, то домой заберешь. Добре? – И Станислава положила парню руку на плечо.

Парень кивнул в знак согласия.

– Ты много говорить ей не давай и сам особо ничего не спрашивай. Ну, иди, иди к Аленушке, ждет ведь.

Петр пошел к жене. А Станислава Богдановна многозначительно посмотрела на сына Миколу, уставшими глазами. Миколу очень Аленка нравилась, да и сама Станислава, была бы очень рада такой невестке, но вот как судьба распорядилась, а они кто? Просто люди. Просто очень хорошие люди.

– Что сынок? – Обратилась знахарка к сыну. – Зато по совести живем и чести, а это главное. По справедливости!

Слабая и бледная Аленка лежала на кровати под большим пуховым одеялом. Ее тонюсенькие ручонки тянулись к Петру. Сухими губами она пыталась что-то сказать, но Петр запретил ей разговаривать и добавил слова Станиславы, что силы беречь надо.

Петру было не по себе от одной мысли, что он мог потерять любимую жену. Чтобы спрятать выступающие слезы, парень перевел взгляд в угол и увидел окровавленную рубашку Аленки и алюминиевый тазик рядом, с кровавой водой. Он понял, что все-таки, сына у него не будет. К горлу подступил ком злости на мать, своей беспомощности и глупости, что не уберет жену и ребенка, а какой ведь клятвой клялся, когда венчались.

– Ну что? Поговорили, дети? – В дверном проеме появилась Станислава.

– Ты Петя, на работу иди. Не переживай, не думай ни о чем, а Я за Аленкой присмотрю. – Сказала женщина и направилась в угол, где лежала окровавленная рубаха Аленки. Подняла ее, замотала в цветастую ткань и крепко на узел завязала.

– Не знаю как Вас, и благодарить, Станислава Богдановна. – Всплеснул руками Петр.

– Та, что ты? Что ты? – Отмахнулась знахарка и, взяв Петра под локоток, повела на выход.

– Слушай меня, Петя, внимательно слушай и запоминай. Смотри, ни слова не упусти из речи моей. – Монотонно, прямо в ухо говорила парню женщина.

Они вышли в «светлую», знахарка остановилась и посмотрела Петру прямо в глаза:

– Аленку любишь?

– Что за вопросы такие, Станисла...

Но женщина рукой показала, чтобы Петр не перебивал и слушал дальше:

– Ну, а ежели любишь, то за нее постоишь и никого не пожалеешь и не убоишься?

Тот кивнул.

– Ну, тогда вот что... – Очень тихо и вкрадчиво, заговорила Станислава Богдановна. – Пойдешь в соседнее село. Там спросишь у людей, но думаю, если внимательно слушать меня будешь, то сам дорогу верную найдешь. Живет там на самом краю, почти около леса, Евдокия Мохрина, очень сильная ведьма. Не людимая, характерная, не каждого допускает и не каждому помогает, но ты постарайся ей понравится, разжалобить. Подарок ей принеси какой-то, хороший, стоящий, что-то ценное. Говори очень вежливо, а то даже слушать тебя не станет. Она все видит, все знает и про каждого. Говорят, из такой беды вытащить может, из которой никто не поможет. Сила ее велика. Креста на ней нет, и никогда не было. Она с бесами знается. Только не испужайся!

– А Вы ведь... тоже помогаете людям? – Удивленно спросил Петр. Странно было ему, что известная в селе знахарка, посылает его к ведьме на поклон, да за помощью еще и в другое село.

– Петруша, на мне крещение православное, крест да житие по заповедям! – Строго сказала знахарка. – Так что не искушай. Я по заповедям живу, коли, по одной щеке ударят, другую подставлю. Так что тут, в делах твоих и Аленкиных, моя сила невелика. Ни мести, ни обраты-возврата, а только отведу беду да полечу, а разобраться тебе Евдокия поможет. Я то что? Совет мудрый, слово доброе, беседу задушевную, травки-муравки для здоровья, шепотки отводящие, а тут еще и защита нужна, иначе долго твоя супруга не протянет, да и с тобою, что недоброе, приключиться может из –за...

И тут же Станислава замолчала. Чуть не проговорила, не хотела она вслух говорить, пусть та, кто никого и ничего не боится ему сама скажет. А ей, негоже, на врага в семье указывать, а тем более самого близкого и родного человека.

Станислава перекрестилась и поправила лампадку в «красном куту».

– Олеи подлить надо, скажу Миколу. – Как бы сама с собой, заговорила знахарка.

– После работы говорите? – переспросил Петр.

– Да, после работы, если выйдешь, в акурат к нужному времени и придешь. Спит она днем, сила ее могучая к вечеру просыпается, а ночью особенно велика. Сделаешь, все правильно, то поможет она и будет Вам с Аленкой житие и ... глядишь, детишек здоровеньких еще понаделаете. – И знахарка мило улыбнулась, так по – матерински тепло, как никогда не улыбалась ему родная мать Алевтина.

– Понял. – Сказал Петр. – Да вот только, что ж ценного ей отнести? Даже не знаю?

– Посмотри безделушку, какуюнибудь, золотую. Только чтоб твоя или Аленкина была, у чужих или в долг не бери. – Серьезным тоном приказала Станислава.

Петр поблагодарил Станиславу за совет и помощь и отправился на работу.

Весь день он думал о том, где ж ему что-то ценное взять, чтоб в уплату ведьме отнести? Материны прикрасы золотые, брать нельзя, а у Аленки, только колечко обручальное да сережки. Правда, в галантерее, был у них маленький ювелирный отдел, там, кстати, мать Маруси, жена Головы и работала, золото продавала. Да вот, недавно, уехала она отдыхать в Крым, и теперь ее сама Маруся подменяла.

Присмотрел он как-то цепочку тоненькую и хотел для Аленки купить, а как та родит, подарить ей за ребеночка. Да вот не случилось, но деньги он копил, откладывал.

– Так может деньгами? – Думал Петр. – Та нееее, Станислава бы сказала, да и куда женщине пожилой живущей почти в лесу те деньги? А золото тогда куда?

Петр возил Голову, Потапа Евгениевича, а сам все на часы поглядывал и думал, как ему успеть деньги забрать из дому, да так, чтоб мать с причитаниями да криками не надела, да потом в галантерею успеть. А тут как назло, день суетный выдался, начальсву прямо скажем, везде поспеть нужно было, во все места и разом, а особенно к любовнице Клаве, местной первой красавице и самогонщице по совместительству.

– Потап Евгеньевич! Разрешите с просьбой обратиться? – Осторожно, но в тоже время твердо и уверенно сказал Петр.

– Что Петя? Не стесняйся. – Буркнул Голова.

– А позвольте мне седня машину взять? Дела семейные, надобно по лекарства съездить для жены. – Соврал Петр, но не мог же он про ведьму начальнику рассказывать.

– Та чеж не можно, можно, возьми. – Отмахнулся Голова.

Потапу Евгениевичу, было в тот день не до вопросов, уже вторую ночь он проводил у Клавы, а жену отправил по путевке в Ялтинский санаторий отдыхать и здоровье поправлять, так что ехать кудато вечером или ночью, он явно не собирался, а поэтому, легко согласился дать машину Петру.

Освободился Петр только к семи часам вечера. Раньше не мог. Галантерея уже была закрыта. Но ехать было нужно в любом случае.

– А что если Я свое и Аленкино колечко обручальное отдам? – Подумал Петр и повернул в сторону дома знахарки.

У ворот его встретил друг Микола. В руках у него был цветастый узелок.

– Ты в хату не заходи, Петь, там мать занята, возиться и меня вытурила, сказала тут ждать. У Аленки опять припадок случился.

– Как?

– Ты не волнуйся, все хорошо будет, мать ее отчитает и все успокоится, а тебе ехать надо. – Сказал Микола и протянул узелок Петру. – На вот возьми, мать велела тебе отдать, чтоб ты отдал тому, кому надо, это Аленкина сорочка. И ... дите... остатки... ну такое там.

Петр взял в руки узелок, а Микола порывшись по карманам, достал что-то блестящее и протянул Петру.

– И это тоже возьми.

С руки друга, свисала тоненькая золотая цепочка. Та самая цепочка, которую Петр, хотел для Аленки купить.

- Это ж?
- Ты бери – бери.
- Я ж... этож 120 рублей?
- Потом отдашь.

Петр взял цепочку и думал, что это чудо какое-то. Подумать только та самая тоненькая цепочка, тоненькая как Аленкина шея. Не думал и не знал, Петр о том, что эту цепочку, купил Микола для Аленки, чтоб подарить ей, лично, после того как та родит, да еще и в крестные, проситься хотел. Мечтал хоть так быть поближе к любимой.

Петр крепко обнял друга.

- Давай уже, спеши! Да осторожно и не забывай, что там тебе моя мать говорила?

Петр засунул цепочку в карман брюк.

Село то, недалеко было. Петр как раз успел ко времени, когда коров гнали по дворам. Вот у пастуха он и решил спросить, где живет эта самая Евдокия Мохрина.

Пастух оказался немым, лишь показал рукой куда-то вправо и промычал чего-то. Но указал путь все же верно, впереди показался лесной массив.

– Почти рядом. Еще немного. – Говорил себе Петр и не ошибся. Между веток деревьев, мелькал тусклый свет от окошек. Да только подъехать к той хатке, было сложно. Странность заключалась в том, что чем ближе хотел Петр машину подогнать, тем дальше от хаты отдалялся. Тогда решил оставить машину и пойти пешком. Вроде как рядом, метров триста каких-то, а может и больше, или меньше.

Закрыв машину на ключ и пошел, напрямую.

– Ну, вот и ... избушка. – И только подумал парень, как над его головой, громко хлопая крыльями, пролетела какая – то крупная птица. Едва не задела.

Из окошек избы, струился желтый свет.

Перед ступеньками, Петр остановился, проверил на месте ли цепочка. Полез в карман. Ага, все на месте, узелок в руках.

– Принесло притарахтело, не сидеть чертям без дела. – Неожиданно услышал он низкий женский голос за своей спиной.

От неожиданности Петр вздрогнул, но обернуться не решился.

- Ну и правильно. Стой как столб. – Снова сказал тот же голос.

– Яяя... – Неуверенно начал Петр.

– Знаю, все знаю, зачем пожаловал ко мне. – Сказал голос, а по спине парня, холодок прошел.

– Не от хорошей доли, ко мне приходят, от безысходности. Страдания и горе, ко мне людей приводят. Вот и тебя, привели. – Сказал женский голос.

Петру стало страшновато, не успел он что-то подумать и сказать, как перед ним уже стояла женская фигура.

У Петра случилось что-то с глазами, он не мог рассмотреть и понять, толи это старая бабушка, толи это девица – молодница, а может и статная женщина, лет средних. Перед глазами поплыло. Замелькали мошки, затанцевали тени.

– Боишься? Тоже верно, правильно, что боишься, значит, уважать будешь, а глупости в голове твоей места не будет. Пошли в хату. – Женщина повернулась и пошла вперед, Петр, осторожно вступая, последовал за ней.

– Ну и коса! – Безмолвно произнес парень.

И вправду, коса Евдокии была странная. Длиной почти до пят, туго заплетена, но в тоже время растрепана, а сами пряди волос, разных цветов, черные, рыжие, седые. Разве такое бывает? Петр протер рукой глаза, посмотрел еще раз на косу, все также. А может это от света тусклого или усталости так ему показалось, померещилось?

Вошли вовнутрь и тут все нутро Петра, наполнилось странными ощущениями, как будто кто-то, в самую его душеньку лез, глубоко пробирался, шарудел и выворачивал все как рубаху наизнанку. Но парень стойко держался.

Деревянная избушка, из цельных срубов. Снаружи неказистая, внутри добротная и просторная. Все чисто и аккуратно. Вышитые занавесочки, плетеные коврики, свечи да керосинка, ничего особенного, да вот красного кута нигде не было.

С потолка свисали вязанные в венчики травы, на лавке возле входа, с правой стороны, большое ведро с ключевой водой. А рядом, котяро сидел, пялился на Петра. Да такой огромный котяро! Усища длиннющие, лапища как у собаки дворовой, а хвост, точно метла. Казалось, этим хвостом, котяро черный, ведро в один взмах, перевернет.

– Выйди Митрофан, не смущай гостя незванного дажданного. – Приказала женщина и, кот поспешно спрыгнув с лавки, удалился через дверь, которая сама приоткрылась, а потом также сама, за котом и закрылась. На прощанье, меховой, лишь одарил Петра, сочувствующим взглядом, зыркнув огромными зелеными глазами.

– И ты Варвара, тоже. – Сказала кому-то женщина и Петр улышал раскатистое «каррр-каррр». Слева от него, на прятке, сидела ворона.

Птица расправила крылья и собралась было вылететь в распахнувшуюся форточку. Но Ведьма Евдокия, рукой остановила ее:

– А ну погодь, Варя, погодь. – Женщина повернулась к Петру. – Что там у тебя? В кармане?

– Вот. – Парень достал цепочку и протянул ее Ведьме.

– Не густо, но и не пусто. Вот Варьке на забаву! – Не успела договорить она, как ворона легко подхватила цепочку клювом и выпорхнула в форточку.

– Лучше б табаку хорошего принес. – Посетовала снова Ведьма и направилась к деревянному столику, а Петру рукой указала на стул. Тот послушно сел и примостил узелок на колени.

Ведьма Евдокия, взяла со стола маленькую серебрянную табакерочку, открыла, ловко зачерпнула ногтем табаку и засунула в ноздрю. Длинный, крючковатый нос с острой бородавкой, задергался. А через пару секунд, та смачно чихнула и расмеялась.

– А-а-а-апчхуууу! Аха-ха-ха-ха!

Петра словно ушатом холодной воды окатило. Смех был настолько необычный, как будто трое разом смеются и из них, одна девица, одна женщина и одна старуха.

– Ой, ой. Апч! Ой! Не могу-у-у. – Хлюпая носом, запричитала Евдокия, а потом, успокоившись, сама себе приказала. – Ну, будет уж. Хорошего понемножку.

Петр следил за каждым движением Евдокии. Вела она себя странно. Прошлась по хате, взад и вперед, немного прихрамывая, что-то прошептала, а потом вплотную подошла к Петру, руки на голову ему положила. Через минуту, стала мрачнее тучи. Лицо ее как будто почернело, а рот злобный оскал приорел.

– Хм. – Произнесла она и кивнула на узелок.

Парень протянул его ей.

– Ты знал же к кому пришел? – Вдруг спросила Евдокия, очень строго.

Петр кивнул.

– Станислава-то, предупредила хоть, что дела по справедливости у меня вершатся и обратной дороги нет, и не будет? Что сделаю, никто мое дело не перебить, не переделать, не отменить не сможет! Нет такого Человека и такой Силы в наших краях, кто б супротив моей смог что-то! Знаешь?

– Да. – Ответил Петр.

– Жену любишь и для счастья ее никого не пожалеешь? – Прищурился черными глазами, хитро спросила Евдокия.

– Люблю! Мне ради Аленушки, ничего не жалко и за счастье наше постою!

– Так уж ничего? А может и никого? Ты парень точно меня понимаешь? – Вибрирующим, загробным голосом произнесла Ведьма.

По щеке Петра, покатила слеза, оставляя мокрую дорожку.

– Ну и ладно. – Кивнула Евдокия. – Вступай себе. А как поедешь, в зеркало назад не смотри, пока из села нашего не выедешь. Понял?

– Как? – Вдруг удивился Петр. – Как уходить? А помочь же...

– А это уж не твоего ума дело. Помогу жене твоей, так и быть. И не рассказывай никому, что у меня был, а особенно, матери. – Сурово сказала Евдокия и показала указательным пальцем Петру на дверь. Дверь тут-же распахнулась сама по себе, как бы указывая посетителю, что «пора и честь знать».

Поклонившись в пояс Евдокии, поблагодарив за прием, да обещание помочь, Петр пошел к машине. По дороге, парня взглядом провели кот Мирофан да ворона Варвара.

Одно парень понять не мог, причем тут мать его? Почему ей рассказывать нельзя? Ну да, не любит она Аленку, ругает часто, попрекает иногда, но мать все же, родной человек.

Звуки ночного леса сопровождали Петра. Где-то сойка пересмешница, где-то филин ухнет, то там – то тут дерево скрипнет, ветки зашумят, а далеко, из чащи, волчий вой послышится. Да знал Петр, что пугаться и оглядываться – нельзя!

Заведя машину и отъезжая от лесной окраины, все же, накатило на Петра необузданное желание обернуться или хотябы в зеркало взглянуть. Да помнил парень запретные слова Евдокии. Зажмурился, хотел было молитву прочесть, как над головой его птица, крыльями захлопала. Он глаза открыл, нет никакой птицы, а желание назад посмотреть или в зеркала, напрочь отпало.

Первым делом, заехал Петр к Станиславе, Аленку проведать. Той и вправду лучше стало. Хоть и слабенькая, бледная как стенка известкой выбеленая перед Пасхой, а улыбкой все же мужа встретила. Легко на душе у парня стало. Отправился он домой, да сперва, машину отогнал к дому Клавы, любовницы Головы, благо та недалеко от дома Петра жила.

Дома, Алевтина, встретила сына не радостно. Лицо ее тряслось от злости и ненависти. Казалось, что даже сын ей родной противен был. Смотрела на него, как на предателя, а Петр не понимал, что случилось.

– Мамо, да шо з Вами?

– Ты тварь неблагодарная, что наделал? Где был? Мать себе места находит, а тебе и дела нет.

Она набросилась на сына, схватила его за ворот рубахи и начала трясти.

– Признавайся, к кому ходил? Куда ездил? Зачем?

И тут открыл Петр рот, хотел, было рассказать и про Станиславу и про Евдокию, и что Аленке лучше стало, мол, мать порадуетя... да тут же, перед глазами образ Ведьмы встал. И губы его, сами собой крепко накрепко сомкнулись.

– Отвечай, сучонок! – Закричала Алевтина.

Так, мать сына еще никогда не называла, и Петр убедился, что и вправду, лучше промолчать.

– Выродок! Выродок такой же, как и отец твой был! Отродье выродка! – Плюнула на пол мать.

Поняла Алевтина, что от сына ничего не добиться, оставила его. Лишь злобно взглядом меряла, с ног до головы.

– Иди, иди, чтоб Я тебя не видела. Спать ложись. – Злобно прошипела мать. Петр послушно отправился в комнату. На удивление, уснул он быстро.

Снился ему лес, Евдокия, склонившаяся над узелком с окровавленной рубахой Аленки, кот Митрофан и ... ворона Варвара, которая выклевывала глаза... Алевтине, матери!

– Как же так? – Во сне встрепенулся Петр. – Да что же это?

Алевтина бежала по ночному лесу, в одной рубахе, цепляясь за ветки, которые царапали ее тело, оставляли глубокие раны, а на голове, крепко вжавшись когтями в кожу головы и размахивая крыльями, балансировала Варвара при этом выклеывая содержимое из глазниц женщины.

Та размахивала руками, пыталась кричать, да из горла ее ни одного звука не исходило, только рот открывался. А в этот рот, кот Митрофан, из лап, сыпал землю да приговаривал:

– Кладбищенская, вкусная, земля-то. Будешь знать, как невестке беременной в харчи, такое подсыпать. Это ж надо, додуматься до такого!? Изводить дите невинное да с внуком нерожденным! Ну, чтож Алевтина, по делам твоим и отмеряно! Вертается назад тебе то, что сама ты сделала! За матю и дитя, нерожденного возьми, жизнь за жизнь, душу за душу, приймиии!

И тут, от кудато донесся ледяной голос Евдокии, разносящийся по всей округе:

– Словами моими да делами ихними! Все по справедливости! Да сторицеююю! Вершиться суд праведный да свершиться! Я сказала! Они сделают! Свершилось!

Петр переворачивался в кровати, крутился, пытался проснуться, но Неведомая Сила не давала ему открыть глаза и встать.

Сон крепко сцепил парня и не отпускал. Кошмарными видениями, Неведомая Сила, как будто специально заставляла его смотреть на эту картину, чтобы понять, почему все так происходит, окрыть парню глаза на правду! Показать, кто виноват в бедах семьи и является первоисточником несчастий.

Во сне, Петр немог ничего сделать, ни помочь матери, ни прогнать ворону, только наблюдать поневоле за происходящим.

И кот все приговаривал:

– Сейчас, сейчас, нутро твое гнилое, землицей-то и набьем под завязочку, по горло!

Сколько времени это длилось, трудно сказать. Разбудили Петра вместе с первыми солнечными лучами, суетливые стуки в оконные ставни да непонятная возня снаружи.

– Петька, прокидайся! Чуешь? – Послышался громкий голос Миколы.

Петр, вскочил с кровати и побежал к двери.

– Мамо! – Крикнул он, но никто не отозвался.

Дверь хаты была не заперта, обнаружил Петр с удивлением, а во дворе, стоял Микола с группой людей, односельчан и смотрели на парня. В центре, была Аленка, красивая, румяная, прежняя.

На земле, в окровавленном одеяле, было, что-то завернуло.

– Мамооооо – Шепотом протянул, Петр и не ошибся.

– Ой, мамо мамо! – Вырвалось у Петра.

Он обхватил голову руками и присел на деревянные ступеньки. Сон прошлой ночи, оказался, как говорят люди «в руку». Парень все понял.

– За что же Вы так мамо, зачем? Зачем же так с женой моей? И сами то? – Шептал Петр.

На следующий день Алевтину похоронили. Не держали три дня как положено. Все побыстрому сделали. Да только, как стали гроб опускать, так стропы и порвались, а гроб с грохотом в яму и упал, раскрылся. Отъехала крышка в сторону, а сельчанам картина страшная открылась. Алевтину перекосило, рот открылся, а от туда земля комьями вываливалась.

Крышку кое как по возможности подправили, чтобы по людски было, прикрыли.

Отпели, поставили крест деревянный, все как полагается.

А на поминках, метный алкаш Валера, после второй поминальной рюмки и рассказал, что пошел он в ту ночь, поздно, к Клавке – самогонщице, за чекушкой, только выйти со двора собрался да смотрит, бежит Алевтина по дороге. Вся растрепаная, руками машет, будто отогнать хочет кого-то, кричать хочет, да только стоны редкие вырываются вместо крика.

– Я глаза протер, присмотрелся, так и вправду, за ней рогатые бегут, штук шесть! Один подсрачники раздает, другой за ноги кусает, третий, лапами за плечи хватает, четвертый с пятым не припомню, чего делали, а вот шестой, что-то ей в рот запихивал, засыпал. Урчали да смеялись, а сами с копытами!

Валера перекрестился, опрокинул рюмку, словно за себя вылил и, выпучив глаза, продолжил:

– Я тогда и решил, не пойду Я к Клавке за чекушкой. Страшно выходить на улицу стало. А может и привидилось?

– Пить бросай! – Сурово сказала Станислава. – Завтра приходи ко мне, дам тебе отваров травяных, помогу, так и быть.

– Ага-ага! – Закивал Валера.

– Ну, ты и сказочник. – Замотали головами мужики. – Кончай пьянствовать, до чертей допился.

Отец Аниссий, сидящий рядом перекрестился и одним махом, осушил поминальную рюмку.

– И вечнаяяяяя памяаяяя... – Басом пропел он, а потом добавил. – Не быть ей тем делом помянутым.

К чему это было попом сказано, все и так поняли.

На самом деле, нашли Алевтину недалеко от дома Станиславы. Она в потемках, как предположили потом, не заметила пахальную барану «плуговую», которая вывернулась остриями наружу. Споткнулась, да и нанизалась четко. Насквозь, Алевтину распахало и пригвоздило.

Видимо бежала она к Аленке, прощение может просить? Кто – ж уже скажет, что там на самом деле было? Никто.

Прошло пять лет.

Жили Петр и Аленка, душа в душу, двое дитишек. Правда, первая, девочка родилась, до того ж смышленная но ни на мать ни на отца не похожая, глазки угольки и волосы трехцветные, золотые, черные и белые. Люди только диву давались, в кого ж такая, в чью породу?

А второй мальчик, да, здоровый, хороший.

Микола, на Маруське, дочке Головы женился, сейчас в городе молодые живут. Сам Микола, на инженера учиться в институте.

А долг, 120 рублей, за цепочку золотую, Петр отдал и еще червонец сверху, когда сына крестили. Петр, Миколу крестным взял для мальчика.

Дочку, крестить все не досуг, вечно мешает что-то. Договорятся с попом, так малая то заболит, то еще что-то случится. Вот недавно, договорились, так крестным срочно на Север уезжать пришлось, по расперелению. Вот все и откладывают, а там видно будет. Не к спеху, успеется, потом, может быть.

3 «Деревня Беси́хи»

Навернаяка, многие из Вас слышали, что в баню, ни в коем случае, нельзя ходить после полуночи, потому что там, «нечисть» моется. В этом убедился мой друг Иван, назовем его так. Именно он и рассказал мне эту историю. Точнее, отправил письмо, по-емейл, со своей историей. Сказка или нет, не мне решать и не Вам судить. Просто читайте, слушайте. А вот как он там сейчас, это знать не дано, ничего не писал более.

***

Поехал, как-то Ваня, погостить в деревню к другу детства, Артему. Ну, во-первых, давно не виделись, а во-вторых, было Ване странно, что друг его, городской парень и вдруг на ровном месте, бросил удачную карьеру, продал квартиру в центре Москвы и уехал, в маленькую деревеньку в «далеких несказочных ебеньях». Там построил дом, обзавелся хозяйством и женился на местной девушке.

Никак Ваня этого не понимал, а посему интерес его был велик, а желание посмотреть, как живет его друг, некогда очень известный и уважаемый человек в столице, только больше разжигало любопытство и воображение.

Ваня, крутя баранку, представлял себе друга, как старого заросшего деда с длиннющей бородой, в колоритном одеянии староверов из льна и хлопка, с дородной женой, кучей детей вокруг и все сидят в деревянной избе по лавкам и хлебают щи из котелка, резными ложками, при этом все как один обутое в лапти из бересты.

Каково же было удивление Ивана, когда встречать его приехал, у ПМК, подтянутый парень, спортивный, модно одетый, хорошо выбритый и даже загорелый на... «гелике»! Иван кулаками глаза протер, не сразу поверил. В последнюю их встречу, друг выглядел неважно, мягко говоря, вечно усталый, брюзгливый, замученный, готовый только на то, чтоб после работы опрокинуть стакан другой вискаря и отправится спать, а тут прям такие метаморфозы. Чудеса! Вот значит, что свежий воздух, труд и природа с людьми делает, подумал Иван и торопливо вылез из машины.

– Ванька!!! – Заорал друг и кинулся на встречу.

– Темыч!!! – Крикнул Иван и пошел на встречу друга с распростертыми объятиями.

Ну, вот и свиделись. Наконец-то.

Иван ехал следом за Артемом, рассматривал местность. Деревня вообще очень была хороша, совсем не похожа на те, ужасные, упаднические и стремные, что показывают обычно по телевизору, пугая городских жителей.

Никакого намека на разруху, добротные дома, хорошие заборы, очень приличные по сельским меркам магазины и, что совсем удивило Ивана, наличие кафе в деревне, что вообще не вязалось с его представлениями о деревенской жизни. Кто ж туда ходит, интересно знать?

Отметил Иван также и местный культурный клуб, не покосившееся, а вполне приличное обновленное здание. Вообще, был Иван приятно удивлен. Да вот, что для деревни странно-вато, это отсутствие церкви. И кладбище, которое они проезжали, совсем крошечное. Но эта мысль долго в голове Ивана не задержалась.

Наконец-то подъехали к дому Артема. Ворота открылись и следом за «геликом» друга, въехал и Иван на своем корейском пластике «КИА».

Двор, конечно, поразил масштабностью квадратуры, а гараж и тем более.

С гаража был вход в дом, через который мужчины и вошли. На встречу выбежала маленькая хрупкая девушка и только взмахнула руками от досады.

– Артемушка, ну чтож ты не предупредил? И чего не через «парадный» зашли? – Тоненьким голосочком сказала она, негодуя, но голос ее был настолько детским, что сказанное звучало не как укор, а как мультяшное мяуканье.

– А это моя супруга, Ириша. – Представил Артем Ивану жену. – А это, Ириш, друг мой, с прошлой жизни, Артем.

– Очень приятно! Очень. Вот мне столько Артемушка рассказывал про вас, а тут вот наконец-то и сами пожаловали! – Раздался снова тот же детский голосок.

– Пойдемте же на кухню! – Пригласила Ирина мужчин.

Кухней, она назвала целую столовую комнату, огромную комнату с выходом в сад, местом для камина. На стенах висели головы чучел, лось, медведь, кабан, которых Артемушка сам подстрелил на охоте, незамедлительно похвасталась Ирина, уловив искренний интерес в глазах гостя.

На столе было прекрасное угощение, все домашнее, из прекрасных деревенских продуктов. Это вам не городская химия. От соленья до варенья, заливных, колбасок домашних, картошки синеглазки, вареников и блинов, да все что душа не пожелала бы. Ну и водочка, как разумеется.

Окончательно Ивана «добило» наличие людей помогающих по хозяйству.

– Ну, ты этот, барин что-ли местный? – Хихикнул Иван.

– А знаете Ваня, Артемушка такой! – Быстро затараторила Ирина, хвастаясь мужем. – Он сюда, когда приехал, все переделал! Вы бы видели эту деревню до Артемушки. Разруха, безработица, молодежь уезжала, мужики спивались, ой, даже вспоминать не охота, хлеб раз в неделю привозили. Страшное время было. А Артемушко, как появился, так через месяц взялся развивать местность. И вот уж десять годочков то минуло, сами полюбуйте. Артемушке все должны, его все уважают, с ним считаются. Молодежь на учебу он за свои деньги посылает, а те, отучившись, не хотят в городе оставаться, возвращаются, чтоб на родной земле работать.

Ирина тараторила безумолку о значимости мужа, о том, что рождаемость повысилась, мужики пьянствовать побрасали, вообще просто райская жизнь началась, что Иван чуть было зевать не начал, но все же, был момент, что насторожил его. Обмолвилась Ирина, что новых пришлых людей, муж сам выбирает, много, кто в эту деревню стремиться, да только ему Хозяину, решать, кому быть тут, а кому ступать с миром или как получится. Но тут же Артем обрвал жену.

– Будет тебе Ируня, разошлась. – Резко сказал он. Артем строго взглянул на жену, та опустила глаза и почему-то улыбнулась. Да и как то странно покосилась на мужа.

– А что Вань, вечером в баньку? Вот натопили, целый день топили, к твоему приезду. Баня тоже у нас настоящая, как и полагается, не сауна никакая с кнопками. Топили дровишками сосновыми и венечки березовые и дубовые впридачу. – Прищурившись, заманчиво говорил Артем.

– Ой, а Я вам и кваску холоденького как раз. – Вставила свои «пять копеек» радушная хозяйка Ирина.

Иван только диву давался.

Нет, Артем и в городе был не бедным человеком и далеко не последним, но что бы так! Вот правду же пословица гласит, что иногда лучше быть первым на селе, чем вторым в городе. Видимо этой пословице и последовал друг Ивана.

Дело шло к вечеру. Артем на следующий день уже придумал культурную программу, сперва, с утра пораньше, на рыбалку, а после по окрестностям покататься, посмотреть так, сказать, все хозяйство.

Вот и банное время подошло. Парились от души. Артем уже собираться стал и Ивану посоветовал сворачиваться. Но того так разморило, что он просто со скамьи в предбаннике слезть не мог.

– Темыч, ты иди, а Я подтянусь позже, еще минут десять посижу только. Подустал чета. – Промямлив Иван.

– Ладно. – Кивнул Артем. – Но смотри, сильно долго не засиживайся, вставать завтра на рыбалку рано.

Артем ушел, а Иван подпер голову руками, закрыл глаза и задремал. Проснулся он от странного шума в бане. Не уж то, Артем вернулся? Из бани доносилось хлюпанье воды, шлепанье веников, странное цоканье и детские вопли. Но больше всего удивило Ивана, это запах. Очень неприятный запах мокрой псины.

– Темыч, ты?

Никто не ответил.

Иван посмотрел на часы, которые лежали возле его одежды, время было половина первого ночи. Звуки не прекращались, а на оклики никто не отвечал. Что за ерунда?

Иван встал и направился к двери, ведущей в саму парилку. Дернул за ручку дверь, но та, почему-то оказалась запертой. Иван подергал еще и еще, но так и не удалось открыть, а звуки при этом продолжались. И дети то откуда? Что за резвость такая поздней ночью?

– Есть кто? – Спросил громко Иван.

– Есть! – Вдруг ответили и все звуки внутри парилки прекратились. Это был тоненький голосок Ирины, жены Артема.

– Извини Ириш. Засиделся Я.– Виновато сказал Иван и направился в раздевалку. Оделся, собрался было уходить, как вдруг на полу, увидел грязные отпечатки копыт.

– Че за-ерунда? – Почесал затылок Иван. И этот странный неприятный запах мокрой псины, так и бил в нос.

– Ириш! У тебя все нормально? – Крикнул Иван.

– Нормально все, иди Ванечка, иди! – Отозвалась Ирина с легкой нервицей в голосе.

– Ну ладно. – Промямлил Иван и пошел в дом.

– Еще раз, извини Иришь. – На последнее пробормотал виновато мужчина.

Едва он коснулся кровати, провалился в глубокий сон. Спал крепко, но всю ночь плелась какая-то чертовщина, как из фильма ужасов. Бегали за ним толи черти мокрые, толи дети малые, непойми что. Да разве во сне разберешь толком, когда от кого-то убегаешь?

Утром, Ивана разбудил стук в дверь. Это Артем, напоминал, что на рыбалку пора.

Завтракали вкусными блинами с варением, творогом и медом. Ирина постаралась. Только вот сама Ирина, как отметил Иван, была очень тихой и неразговорчивой в это утро. Она даже не осталась на завтрак, а лишь быстро накрыла стол и куда-то удалилась по делам.

Иван хотел было попросить у нее прощение, за вчерашнее неудобство причиненное, но не успел. А с другой стороны, он так и не понимал, как Ирина могла пройти мимо него в парилку, и откуда там были дети? Но он решил, что видимо за столом, крепко уснул, а Ирина, скорее всего не захотела его будить, вот так вроде логичнее. Но детские вопли, вонь псины, цокающие звуки, все же оставляли много вопросов.

Артему он тоже решил ничего не рассказывать, чтобы не поставить Ирину в глупое положение, да и самому не показаться идиотом и неблагодарным, вообще какое-то внутреннее чутье, говорило, что не стоит ничего рассказывать о прошедшей ночи.

Легкий туман парил над зеркальной гладью озера. Было так тихо, что городскому Ивану, показалось, что уши заложило. Умиротворение и спокойствие. Вся вчерашняя хрень, выветрилась из головы напрочь. Клев был замечательный. Целое ведро карасей, бычков, сомиков и прочей мелочи. Даже щуку поймали, а это уже не мелочь! Хорошая уха сварится.

После, завезя рыбу, домой, мужчины отправились по окрестностям деревни. То на лисопилку, то на мельницу, то на пекарню, то на ферму.

– Да ты прям Маркиз Карабас. – Заржал Иван и просвистел веселую мелодию из старого советского мультика про Кота в сапогах.

Артем лишь скромно улыбался. И хорошо ведь общались, да тут Ивана за язык дернуло спросить:

– Ты Темыч, с Иришей то уж десятый годок как живешь в браке официальном, а что детей не...

Иван тутже заткнулся, так как заметил, что друг весьма напрягся, а на висках выступила испарина.

– Ну, нет так нет. – Решил реабилитироваться Иван, всякое бывает, живут же люди душа в душу и без детей.

Артем резко ударил по тормозам. Остановились в поле. Друг вышел из машины и посмотрел на Ивана через лобовое стекло. Сплюнул на землю, закурил, стал ходить кругами.

Иван вышел следом.

– Не хотел Темыч. Ты извини!

– Ничо. – Процедил сквозь зубы Артем, – Это ты извини, не сдержался. Чета накатило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.